

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XVIII

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ
ПАМЯТИ А. В. КОРОЛЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы:
Москва 1976

С. А. Маретина

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРНЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ

Народности и племена, населяющие горные районы Ассама и сопредельных территорий, совокупно составляющих географическую область Северо-Восточной Индии, образуют в пределах Индийской республики особую группу¹. Ряд обстоятельств вызывает интерес к этим народам: 1) задержавшись в силу специфики экологических условий на ранних этапах развития, они позволяют проследить эволюцию социальных форм, исчезнувших у более развитых народов; 2) разбросанные в горах, они сохраняют специфику своей социальной организации и культуры, в отличие от равнинных народов, которые уже испытали на себе нивелирующее влияние капитализма; 3) особенность этих народов заключается в том, что они по происхождению связаны с Восточной Азией и по своей социальной структуре во многом ближе к горным народам Юго-Восточной Азии, чем к своим индийским соотечественникам; 4) в то же время эти народы представляют собой одну из групп адиваси (так называют в Индии народы, которые не вполне адекватно определяются в русском языке как «малые») и, проживая в течение столетий в Индии, испытывают на себе воздействие проходящих в ней процессов; 5) и, наконец, сейчас, в связи с общим подъемом национального самосознания и развитием движения за автономию, для районов национальных меньшинств особенно остро встает вопрос о развитии самостоятельной экономики.

В пограничном Ассаме (и соседних территориях) население формировалось в основном за счет многочисленных переселенцев, которые на протяжении веков искали пути к плодородным равнинам великих индийских рек. В результате смены переселенческих потоков на равнине в конечном счете складывалась единая этническая общность, в то время как в горах, куда оказались оттесненными осколки ранних популяций, им удалось сохранить и даже развить в условиях длительной изоляции свою «особость». Такая картина характерна именно для горных районов. Горный Ассам вместе с соседними горными областями Бирмы и Индокитая образует один из узлов, в котором переплетаются многие фрагменты разных этносов, языков, культур. Многообразие этнического состава очень велико: даже в пределах одного народа наблюдается множество культурных и языковых вариантов. Это усложняет изучение данного района, но в то же время повышает интерес к нему и выводит его изучение далеко за чисто индологические пределы.

¹ К основным горным народам Северо-Восточной Индии относятся (с запада на восток): гаро, кхаси, микиры, многочисленные народности куки-чин, народности нага (районы пограничные с Бирмой), группа пригималайских племен.

Генетические связи горных народов тянутся не столько к соседним большим народам индийских равнин, с которыми они начали интенсивно контактировать лишь в последние десятилетия, сколько к многочисленным горным народам Юго-Восточной Азии. Таким образом, с горными народами Восточной Индии оказывается связан ряд проблем, характерных для этногенеза Юго-Восточной Азии. Такова проблема мон-кхмеров, касающаяся происхождения этой группы народов, их роли в этногенезе Юго-Восточной Азии,— проблема, которую связывает с Северо-Восточной Индией проживающая на территории последней народности кхаси, принадлежащая к семье мон-кхмеров. Восточноиндийский материал представляет неоспоримую ценность и для решения вопроса о направлениях древних путей миграций тибето-бирманцев, многие из которых пролегли именно в рассматриваемом регионе.

С решением указанных этногенетических проблем непосредственно связана и такая историческая загадка азиатского континента, как удивительное, доходящее в некоторых сферах культуры до полного тождества сходство ассамских нага и даяков с острова Калимантан (Индонезия). Это сходство проявляется прежде всего в области материальной культуры (формы и особенности конструкции домов, кухницы с своеобразным устройством поршневых мехов, техника земледелия, тип ткацкого станка и т. д.), а также в антропологическом типе и во всем облике (вплоть до манеры носить одежду и украшения); вместе с тем в социальной структуре, хотя оба народа и стоят на одном уровне развития, наблюдаются кардинальные отличия, проявляющиеся прежде всего в отсутствии у даяков признаков родовой организации, в то время как последняя у нага достигла высокого развития [2]. А главное — обе группы народов принадлежат к различным языковым семьям (нага — к тибето-бирманской группе китайско-тибетской семьи, даяки — к малайско-полинезийской), что, казалось бы, должно исключать гипотезы об их генеалогическом родстве.

Возможно, дальнейшая разработка этногенетических проблем всего крупного региона Восточной и Юго-Восточной Азии позволит выявить возможности длительных соприкосновений (которые только и могут объяснить отмеченные совпадения) на том или ином отрезке истории. Необходимо отметить, что аналогичные совпадения (хотя и не в столь полном объеме) отмечены также у ряда других горных народов Юго-Восточной Азии, как материковой, так и островной [12; 15, 115—178]. Материалы Северо-Восточной Индии должны быть привлечены и для решения еще одной этногенетической проблемы — проблемы определения и идентификации древнейшего аборигенного пласта этого района (в самых общих чертах негро-австралоидного) [4, 31], что является частью общей проблемы первичного этнического слоя, с одной стороны, всей Юго-Восточной Азии, с другой — всей Северной Индии.

Все эти вопросы для своего решения требуют комплексного подхода, причем веское слово должно принадлежать археологам, успехи которых для рассматриваемого региона пока нельзя считать достаточными. К сожалению, ни на какие письменные источники, которые могли бы помочь пролить свет на историческое прошлое изучаемых народов, рассчитывать не приходится. Сами горные народы своей письменности не имели, индийцы познакомились со своими восточными соотечественниками настолько поздно, что классические памятники индийской литературы — богатейшая сокровищница знаний — содержат о них лишь самые поверхностные и недостоверные сведения. Старейшими историческими источниками являются хроники на языке пали, так называемые буранджи, авторами которых были ахомы — представители таи-язычных бирманских шанов, которые стали проникать на территорию

Ассама в XIII в.— время, которым датируются сами буранджи [14, 12—27]. От того же периода остались медные блюда со списками ахомских царей. Но эти данные практически для нас недоступны. Публикация их отсутствует, ссылки на них поступают из вторых рук, причем цитирующие их европейские исследователи не уточняют библиографические данные источника.

Итак, первая группа задач по изучению горных народов Северо-Восточной Индии связана с этногенетическими проблемами. При всей сложности их решения постановка этих проблем необходима, ибо они являются звеньями в общей цепи задач восточноазиатского этногенеза.

Другая группа задач, представляющая, как и первая, интерес и в общетеоретическом плане, связана с современной этнографией. В последние десятилетия успешно продолжает развиваться направление, начатое еще в начале нашего века, — монографическое описание отдельных народов региона; сейчас в центре внимания находятся народы, которые до сих пор достаточно не исследовались, такие, как, например, большинство народов Аруначала — бывшего Северо-Восточного Пограничного Агентства, на территории которого живет несколько десятков племен и народностей ассамских Гималаев [13; 10]. Такого рода задачи стоят в первую очередь перед теми исследователями, которые располагают возможностями для стационарного изучения этих народов; это касается прежде всего самих индийцев. В последние годы происходит интенсивное накопление фактов по этнографии многих народов, чем продолжается традиция создания этнографических монографий, начатая еще британскими этнографами.

Наиболее реалистичным и представляющим особый интерес аспектом работы для нас является теоретическое осмысление и обобщение тех явлений социальной жизни, которые имеют место у многочисленных этнических групп, составляющих население восточноиндийских гор. Интерес этот стимулируется спецификой условий, в которых протекало развитие горных народов на протяжении последних десятилетий. С начала XX в. в социальной организации всех народов региона получили развитие сходные процессы, но шедшие с разной интенсивностью и во многих локальных вариантах. Суть их заключается в том, что архаичная организация, в течение многих веков развивавшаяся автохтонно, на рубеже XX в. стала подвергаться все усиливающемуся влиянию внешнего мира, точнее — населения ассамской равнины, где ведущими уже стали отношения капиталистического типа.

В результате процессы изменения традиционной структуры, исторически нередко принадлежавшие к различным этапам развития, оказались ускоренными и сближенными во времени.

Это дает редкую возможность проследить на сравнительно коротком отрезке времени динамику смены социальных отношений у горных народов. Раз начавшись, изменения продолжают идти нарастая. Диалектика современного развития состоит в том, что традиционные явления еще бытуют и зачастую являются определяющими, но одновременно находятся в состоянии трансформации. Поэтому любая сфера социально-экономического строя — будь то права собственности или формы брака — неизбежно включает в себя комплекс многообразных и нередко противоречивых явлений. Здесь для исследователя возникает множество сложных проблем, представляющих тем больший интерес, что в мировой теоретической этнографии ассамский материал почти не представлен. Между тем многие из отмеченных здесь явлений могли бы дать ценные сравнительные данные по ряду важнейших общих проблем. Остановимся на наиболее перспективных направлениях таких исследований.

Прежде всего следует отметить, что сама множественность народов горного Ассама (мы имеем в виду и сопредельные горные территории, административно выделившиеся теперь из этого штата), которая так затрудняет его комплексное изучение (несколько десятков народов, часто очень специфичных в культурном отношении), для анализа развития различных социальных институтов имеет неоспоримые преимущества. У этих народов мы получаем возможность сравнивать параллельные социальные процессы и явления, больше того — такое сопоставление нередко позволяет наблюдать явления в развитии, синхронно фиксируя различные стадии одного и того же процесса у различных народов. В результате, если по каждому народу не всегда имеется материал, необходимый для анализа генезиса того или иного явления, то дополнить отсутствующие звенья помогут материалы по соседнему племени.

Прежде чем перейти к перечислению конкретных проблем, стоящих перед исследователем социальной структуры горных народов, необходимо сказать несколько слов об уровне их изучения [подробнее см.: 1]. Основная масса позитивных сведений по горным народам содержится в уже упоминавшейся превосходной монографической серии, принадлежащей в основном перу английских этнографов. Ввиду консервативности общественного строя малых народов вплоть до начала XX в. (когда, как было отмечено, началось интенсивное нарушение их изоляции) данные, содержащиеся в этих монографиях, в целом фиксируют традиционные институты не только на конкретный момент написания монографий, но и на более длительный предшествующий период и позволяют бросить ретроспективный взгляд на ход общинной эволюции. При этом сами авторы этих описаний дают статическое изображение традиционного общества без попыток отразить тенденции социальных изменений. Но эти материалы, собранные и классифицированные на высоком научном уровне, дают исходные данные для анализа развития общественной структуры, так как именно процесс развития и изменений представляет наибольший интерес для исследования. Дальнейшее же развитие этих процессов позволяют зафиксировать отдельные статьи и издания последних лет (в том числе проблемные исследования Р. Берлинга [6] и Ч. Накане [11] по двум матрилинейным народам Ассама — гаро и кхаси). Важнейшим источником информации, констатирующим состояние фактического материала в последние годы, т. е. через несколько десятков лет после первых публикаций, является монографическая «деревенская серия» индийской переписи 1961 г. [7].

Таким образом, состояние изученности общественного строя малых народов Северо-Восточной Индии позволяет поставить задачу общего (более или менее полного) исследования эволюции социальных институтов в конце XIX — начале XX в. Есть исходная констатация состояния общества, практически еще не тронутого внешними влияниями, и есть современный материал, который позволяет судить о направлении и характере социальных изменений в ходе форсированной эволюции малых народов на протяжении XX в.

Из конкретных проблем социальной организации горных народов первостепенная роль принадлежит вопросу об общине. У всех малых народов Северо-Восточной Индии отсутствует племенная организация, т. е. племя выступает только как этнический, но не как социальный коллектив; в роли этих последних выступают община, род и семья. При этом, в силу рассредоточенности рода, который у рассматриваемых народов присутствует (да и то не у всех) в своей дисперсной форме, основной экономической и локальной ячейкой общества оказывается община. Именно в составе общины реально проявляется значение и ак-

тивность локализованных здесь частей рода, в пределах общины функционирует другая важнейшая социально-экономическая ячейка — семья.

Исследование собственно общины у горных народов Северо-Восточной Индии началось лишь несколько лет назад. Во всей имевшейся массе публикаций по общественному строю горных народов Ассама слово «община» отсутствует; речь идет исключительно о деревне и роде. Впервые термин «община» появляется в работе Ч. Накане о гаро и кхаси [11], т. е. в 1967 г. Такое положение в значительной степени затрудняет анализ общинной организации, но тем самым и повышает необходимость ее изучения. Сам факт существования общины у всех горных народов Северо-Восточной Индии не является дискуссионным. Трудность состоит в другом: в определении типа общины; в отнесении общины ассамских горных народов к конкретной стадии ее развития в пределах общей типологии. Дело в том, что община у горных народов, при всем многообразии ее конкретных форм, принадлежит к одному типу, которому надо найти место в бытующей у нас в настоящее время трехчленной периодизации общины: родовая — большесемейная — соседская. Между тем этот тип общины трудно с уверенностью отнести к одной из перечисленных стадий: она уже не является родовой, ибо ведущими в социально-экономической сфере стали у всех народов соседские отношения; к тому же у ряда народов родовая организация уже практически прекратила свое существование, хотя общий уровень их развития не отличается от тех, которые сохраняют родовую структуру. Нельзя общину горных народов отнести и к стадии большесемейной (хотя по своему уровню она приближается к ней), ибо в качестве основного типа семьи в ней выступает малая, а единичные большие семьи являются поздними образованиями, порожденными изменившимися в последние годы социально-экономическими отношениями внутри общины.

Таким образом, скорее всего рассматриваемая община должна быть отнесена к стадии сельской соседской общины. Но здесь мы сталкиваемся с недостаточностью общинной периодизации: в разряд соседских общин оказываются отнесенными практически несопоставимые организации, разница в уровнях развития которых нередко является большей, чем между некоторыми из этих общин и большесемейными. Достаточно вспомнить, что к числу соседских общин относятся и такие высокоразвитые структуры, как общины индийская, русская, балийская, которые знаменуют высший этап развития общинной организации.

Необходимость дальнейшей детализации общинной типологии усугубляется тем обстоятельством, что тип общины, подобный рассматриваемому, присущ не только горным народам Северо-Восточной Индии, а имеет (особенно в последние десятилетия) широкое распространение среди многих в прошлом колониальных народов, которые в силу ускоренного исторического развития быстро теряют старые родовые связи, не будучи в то же время в силах столь же быстро достичь уровня развитых народов.

При рассмотрении общины горных народов следует иметь в виду, что, хотя эта община у разных народов этого региона стадийно сопоставима (при единичных исключениях — например, кхаси, которые достигли уровня развитой сельской общины), она представлена во множестве локальных вариантов, которые могут быть объединены в самом общем виде в две основные группы: для общин одних народов характерно сохранение родовой структуры и старых общинных порядков (большая часть нага, гаро), в то время как у других старая организация подверглась значительной ломке, вплоть до полного исчезновения у некоторых народов родовых и части общинных институтов (на-

родности чин, часть бодо). У ряда народов этой группы получили развитие уже процессы феодализации. Видимо, причины различий следует искать в историческом прошлом этих народов, в степени развития у них ранней государственности и вовлечении их в бурные события политической жизни средневекового Ассама. К сожалению, исторические данные об ассамских народах весьма скудны и пока позволяют ограничиться лишь самыми общими предположениями.

Как было указано выше, в связи с тем что община, как таковая, до недавнего времени не была специальным объектом исследования в горных районах Северо-Восточной Индии, а описывались в первую очередь родовая организация и семья, ряд общинных аспектов полностью выпал из поля зрения исследователей. К их числу относятся такие важные вопросы, как динамика развития общины, ее экономическая характеристика (формы собственности, сочетание различных норм землевладения), соотношение общинных и родовых институтов. Сама специфика типа общины, которая была отмечена выше, способствовала усложнению отношений собственности, прежде всего на землю, где постоянно приходится разграничивать различные пласты этих отношений (права общинные, родовые, семейные, сочетание различных правовых категорий); вместе с тем все эти права ограничены рамками «малых группировок» и не выходят за пределы общины и локальных родовых подразделений. В вопросах землевладения очень важным представляется учет экологического фактора.

При выделении разновидностей общин у горных народов бросается в глаза условность некоторых представлений об уровнях развития отдельных народов; в частности, речь идет о наличии или исчезновении черт и институтов родовой организации, которые обычно рассматриваются как признак низкого уровня развития. Между тем материал Северо-Восточной Индии убеждает в том, что сохранение не только родовых пережитков, но даже целого комплекса институтов не всегда является свидетельством отсталости народа, который, напротив, может стоять выше других, лишенных родовых черт (например, кхаси).

Несомненный теоретический интерес представляет такой специфический вопрос, как сопоставление обществ патрилинейных и матрилинейных, в частности сопоставление уровней развития их производительных сил. Северо-Восточная Индия для подобной постановки вопроса представляет наилучшие условия, ибо здесь в непосредственном соседстве на протяжении ряда веков живут народы с различной филиацией, живут в сходных условиях и сходном географическом и социальном окружении, так что сравнение их систем облегчено. Проблема патри- и матрилинейных народов имеет различные аспекты. С одной стороны, встает неизбежный вопрос о причинах сохранения у части народов (в данном случае у гаро и кхаси) матрилинейной структуры. Нельзя сказать, что этот вопрос не привлекал внимание исследователей. Наиболее настоятельно звучит он в работах О. Эренфелса [8; 9], который выдвинул дискуссионную гипотезу о заимствованном характере «матриархата» у гаро. Однако знакомство с особенностями родовой структуры гаро и кхаси, на наш взгляд, свидетельствует об искусственности и несостоятельности выдвинутого предположения: слишком различны принципиальные основы обеих организаций, не говоря о сомнительности самого факта заимствования целой социальной системы.

Пример гаро и кхаси свидетельствует о необоснованности привычной точки зрения, согласно которой сохранение матрилинейной структуры выглядит как показатель отсталости народа. Как видно из этнографического материала, гаро не уступают по своему развитию большинству своих горных патрилинейных соседей, что же касается

кхаси, то их уровень развития настолько выше окружающих народов, что они скорее могут быть сопоставимы с равнинными ассамцами, чем с другими народами гор. Ситуация у горных народов Ассам показывает еще раз, что филиация не является показателем общего уровня развития народа.

Матрилинейные народы интересны еще и тем, что они позволяют представить всю меру многообразия социальных форм. Как показывает материал мировой этнографии, в то время как у патрилинейных народов линейность и локальность дают ограниченное число вариантов, у матрилинейных народов наблюдается несравненно большее разнообразие социальных форм, причем у каждого народа появляется своя специфика в их реализации. Достаточно назвать такие своеобразные институты, как «система нокром» и «закон акима» у гаро, разновидности домохозяйств у кхаси, особенности деревенской структуры у тех и других. Все эти вопросы представляют немалый интерес для теоретической этнографии, кардинальные проблемы которой могут быть решены лишь на базе комплексного изучения материалов народов мира.

Важную сферу исследований составляет проблема классовообразования и расслоения внутри общины. Ассамский материал позволяет достаточно наглядно проследить изменение характера такого расслоения. Если в ранний период в условиях изолированной эволюции расслоение общины проходило (традиционно для горных народов рассматриваемого региона) как трансформация родовых групп в группировки типа «социальных классов» или ранних сословий, то начало проникновения товарно-денежных отношений, развитие товарного хозяйства вызывает к жизни принципиально новые формы расслоения — формы имущественного неравенства. Подобная последовательность этапов классовообразования (от раннего чисто социального к имущественному) имеет достаточно широкие параллели в мировой этнографии (примеры Африки, Юго-Восточной Азии), и на этом фоне ассамский материал выглядит очень убедительно. Как явствует из самого определения этапов классовообразования, эта проблема у ассамских горных народов соприкасается, с одной стороны, с вопросом о судьбах родовых групп, с другой — с проблемой модернизации общественной структуры у горных народов, связанной с проникновением в их жизнь принципиально новых явлений.

Эта тема — аккумуляция изменений в социально-экономическом строе горных народов Северо-Восточной Индии под влиянием контактов племен с развитыми народами равнин — включает ряд моментов, имеющих самостоятельное научное значение. Должны быть изучены те перемены, которые затрагивают сферу хозяйства, откуда цепная реакция изменений проникает во все сферы социальной жизни. Подобный процесс идет у всех малых народов Индийской республики, но в каждом из географических массивов племен он имеет свои особенности [3]. Так, в Центральной Индии, которая включает очень сложный в этническом отношении комплекс горных народов, контакты с развитыми народами имеют значительно более давнюю историю, а интенсивность их в последние десятилетия особенно велика (горные районы Центральной Индии — один из промышленных центров республики), в связи с чем нарушение традиционной структуры этих народов зашло дальше, чем в других районах. В Южной Индии, которая представляет собой другой важный центр сосредоточения горных племен, эти последние в общей своей массе находились на более низком уровне развития (большинство доземледельческих народов зафиксировано именно здесь), и поэтому воздействие индустриального общества оказалось для них особенно разрушительным. Что касается горных районов Северо-Восточной Индии, то здесь контакты народов с различными обществен-

ными укладами протекали более спокойно. Собственная организация ассамских национальных меньшинств оказалась достаточно сложившейся и стойкой, чтобы сохранить свою специфику и при прогрессирующем вовлечении этих народов в общеиндийскую орбиту. Заимствования элементов новой, более высокой культуры носят у них выборочный характер. Конкретные их формы представляют актуальную задачу для исследователя.

К числу основных вопросов, связанных с социально-экономическими последствиями контактов горных и равнинных народов, относятся следующие: модификация хозяйственных форм под влиянием развития товарно-денежных отношений; изменения в сфере материальной культуры (поселения, одежда, пища); последствия внешних воздействий для институтов общественного строя. Последняя проблема наиболее сложна, ибо здесь воздействия дают о себе знать не столь наглядно, как в других сферах.

Если в отношении хозяйства можно отметить повсеместный рост товарности производства, вовлечение горных народов в экономику развитых наций, если в сфере материальной культуры отчетливо проявляются процессы аккультурации (хотя и идущие с разной степенью интенсивности), то изменения в социальных институтах не поддаются столь же очевидным обобщениям [5]. Особая сложность здесь заключается в том, что необходимо различать те изменения, которые накапливались в обществе в ходе естественной последовательной эволюции последнего, и те перемены, которые обязаны своим возникновением в первую очередь новым условиям, сложившимся после нарушения изоляции племенных территорий. Однако на практике такого рода размежевание не всегда осуществимо, ибо многие изменения, которые в традиционном обществе уже назревали (а иногда и начинали осуществляться), после выхода из изоляции оказались под усиленным воздействием извне и приобрели иной темп, а зачастую и новые формы развития. В то же время ряд процессов обязан своим появлением исключительно воздействию товарного общества.

Задача исследователя состоит в первую очередь в том, чтобы проследить, как сочетаются все эти процессы — иногда совпадающие, нередко противоречивые, как они трансформируют традиционное общество в целом и как проявляются в отдельных его социальных сферах. Комплексный анализ этой проблемы и даст представление о динамике общественного строя горных народов Северо-Восточной Индии.

Мы перечислили лишь часть задач исследования структуры общества горных народов, в первую очередь те, которые имеют общетеоретический интерес. В заключение хотелось бы коснуться еще одного аспекта, очень актуального, который этнограф не в праве миновать. Это вопрос о судьбах горных народов и их культуре в современном мире, о перспективах и направлении их дальнейшего развития. Конкретными задачами этого направления исследования являются проблема языка (каким должен быть язык официальный, язык обучения, общения, каковы принципы выбора письменности для бесписьменных народов и т. д.), проблема национальных территорий и местной автономии (эти две проблемы, по существу, означают решение национального вопроса), пути усовершенствования хозяйства и быта племен, пути сохранения их культурных ценностей при необратимом процессе приобщения племен к общей жизни страны. Все эти вопросы помимо чисто научного имеют и большой политический интерес. Решаются они практически правительственными и общественными организациями Республики Индии, однако направление решения этих задач и последствия избранных путей должны быть предусмотрены этнографами. Помощь правительству

в решении проблемы национальных меньшинств является почетной задачей индийских этнографов, общественное значение которых в республике весьма велико и рекомендации которых в отношении практических вопросов национального и культурного строительства являются предметом обсуждения на самых высоких уровнях. Сейчас в Индии районы национальных меньшинств, в частности горные территории Северо-Восточной Индии (особенно учитывая их пограничное положение), привлекают постоянное внимание правительства. Свидетельством тому являются интенсивные административные преобразования, в результате которых на северо-востоке Индии немногим более чем за 10 лет на месте одного штата Ассам возникло пять штатов и две союзные территории центрального подчинения. Все эти обстоятельства — и политическая острота вопроса, и стремительность перемен, и необходимость определения перспектив развития — свидетельствуют о важности изучения малых народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маретина С. А. Изучение общественного строя у малых народов Северо-Восточной Индии.— «Советская этнография», № 6, М., 1968.
2. Маретина С. А. К вопросу об общности происхождения нага (Ассам) и даяков с острова Калимантан (Борнео).— «Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии», ЛГУ, 1964.
3. Маретина С. А. Социально-экономические последствия контактов раннеземледельческих и доземледельческих племен с развитыми народами Индии.— «Краткое содержание докладов годичной сессии ИЭ АН СССР», Л., 1972.
4. Чебоксаров Н. Н. Первоначальное заселение и древнейшая этническая история.— «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966.
5. Bhowmik K. L., Gupta S. N. and Bhowmik A. Impact of Agricultural Development on the Social Structure of the Naga Village Community.— «Journal of Social Research», vol. XII, 1961, № 2.
6. Burling R. Rengsanggri. Family and Kinship in a Garo Village, Philadelphia, 1963.
7. Census of India 61.— «Monograph Series», pt VI, Delhi, 1962.
8. Ehrenfels O. Mother-Right in India, Hyderabad, 1941.
9. Ehrenfels O. Three Matrilineal Groups of Assam.— «American Anthropologist», vol. 57, № 2.
10. von Fürer-Haimendorf Ch., The Apa-Tanis and their Neighbours, London, 1962.
11. Nakane Chie, Garo and Khasi. A Comparative Study in Matrilineal Systems, Paris, 1967.
12. Peal S. E. Identical Cultures of the Dyaks and the Races around Assam.— «Nature», LVI, 1978.
13. Roy S. Aspects of Padam-Minyong Culture, Shillong, 1960.
14. Shakespear L. W. History of Upper Assam, Upper Burmah and North-East Frontier, London, 1914.
15. Smith W. S. The Ao Naga Tribe of Assam, London, 1925.